

ЧТО НОВОГО ВНОСИТ В НАУКУ СТАТЬЯ А. В. АРЦИХОВСКОГО «О НОВГОРОДСКОЙ ХРОНОЛОГИИ»?

Читателям «Советской археологии» известно, что на страницах нашего журнала началась дискуссия о принципах и методах установления датировок новгородского археологического материала¹.

Сохранность органических веществ, обилие находок, открытие берестяных грамот, наличие непрерывных слоев за 600 лет ставят новгородские коллекции в исключительное положение в нашей науке и требуют обещенного внимания к методам их изучения и к результатам анализа.

Опубликованная и положенная в основу всех работ по Новгороду хронологическая шкала А. В. Арциховского и Б. А. Колчина носит предварительный характер. Одно время возникла опасность, что этот черновой вариант хронологической шкалы может преждевременно окостечеть и подменить собою настоящую, серьезно обоснованную шкалу, так как сами авторы ее выражали полное удовлетворение результатами своей работы и А. В. Арциховский заявлял, что эта шкала «дальнейшему уточнению не подлежит». Теперь, после начала дискуссии, тот же автор вынужден признать, что в своей критической статье «верно указал на чрезмерную удовлетворенность хронологией, которая царила в Новгородской экспедиции»².

Следовательно, моя статья достигла главной своей цели — произвести известный перелом в сознании авторов хронологии и начать более широкое обсуждение ее принципов.

А. В. Арциховский признает теперь, что его и Б. А. Колчина заявления по поводу завершенности шкалы «действительно неудачны».

Следует сказать, что категорический тон всех прежних публикаций действительно вводил в заблуждение. Мне самому новгородская хронология Арциховского — Колчина казалась одно время вполне убедительной.

Поводом к ее пересмотру послужило следующее: при написании раздела «Просвещение на Руси в XIII—XV вв.» (в «Истории русской культуры») я обратился к известным грамотам мальчика Онфима — тетрадям древнерусского ученика³. С удивлением обнаружил я, что цифровая запись на грамоте № 206, объявленная А. В. Арциховским бессмысленным набором цифр, на самом деле может быть прочтена как точная дата: «Иже въ 6771...», т. е. 1263 г. С моим чтением согласилась Л. П. Жуковская, знакомая берестяной палеографии, автор единственного палеографического обзора берестяных грамот.

А. В. Арциховский категорически возражал против этой расшифровки, так как новая дата резко расходилась с его хронологической шкалой, по

¹ Б. А. Рыбаков. К вопросу о методике определения хронологии новгородских древностей. СА, 1959, № 4, стр. 82—106. А. В. Арциховский. О новгородской хронологии. Там же, стр. 107—127.

² А. В. Арциховский. Ук. соч., стр. 127.

³ А. В. Арциховский. Берестяные грамоты мальчика Онфима. СА, 1957, № 3

которой 15-й ярус (в нем найден весь комплект грамот Онфима) был отнесен к 80-м годам XII в. и первым годам XIII в., что расходилось с написанной датой на 60—80 лет.

К сожалению, А. В. Арциховский при публикации грамот Онфима совершенно исключил какой бы то ни было палеографический анализ и основанную на нем датировку. Поэтому свои разыскания я направил прежде всего на палеографическую датировку как комплекса Онфима (десять грамот в одном ярусе), так и других грамот 15-го яруса и соседних ярусов. Результат оказался таков: берестяные грамоты 15-го яруса относятся ко второй половине XIII в., находя наибольшее число аналогий в точно датированных рукописных книгах и пергаменных грамотах 1260—1280-х годов⁴. Консультации с М. В. Щепкиной подтвердили датировку грамот Онфима второй половиной XIII в., что совпадает и с датой — 1263 г.

К большому сожалению, спорная грамота № 206 не сохранила своего первоначального вида. Я в своем чтении опирался на фотографию С. Бочарова, сделанную в 1956 г. сразу после извлечения грамоты из земли. Когда же после начала дискуссии в 1959 г. я обратился к подлиннику, то оказалось, что на самом спорном месте уже возникла глубокая трещина, превратившая букву «пси» в букву «червь» и сделавшая запись Онфима теперь действительно бессмысленным набором цифр.

Но все же оставался конфликт между палеографической датой всех грамот 15-го яруса — вторая половина XIII в. и стратиграфической датой — «15-й ярус — 80-е годы XII в.— самое начало XIII в.»⁵.

* * *

Новгородская хронология, которая до 1951 г. не отличалась особой точностью, в 1951 г. получила первое оформление как предварительная шкала для мощного культурного слоя, отложившегося за 600 лет в Неревском конце. В 1956 г. появилась необыкновенно детальная шкала, усиленно пропагандируемая руководством Новгородской экспедиции.

Оказывается, что А. В. Арциховскому и Б. А. Колчину удалось точно датировать все 28 ярусов мостовых настилов Великой улицы, точно связать с ними все вещевые находки внутри усадеб и определить дату каждой смены бревен мостовой с видной точностью не только до одного года, но даже и до месяца и дня⁶.

Эта шкала рекомендовалась как единственная возможная и неподлежащая уточнению.

«28 ярус — середина X века
 27 ярус — 70—80-е годы X в.
 26 ярус — последние десятилетия X в.
 25 ярус — 1-я четверть XI в.
 24 ярус — 2-я четверть XI в.
 23 ярус — середина XI в.
 22 ярус — 60—70-е годы XI в.
 21 ярус — 70—80-е годы XI в.
 20 ярус — конец XI в.— 10-е годы XII в.
 19 ярус — 10—20-е годы XII в.
 18 ярус — 30—40-е годы XII в.
 17 ярус — 50—60-е годы XII в.
 16-й ярус — 70—80-е годы XII в.

⁴ Б. А. Рыбаков. Ук. соч., стр. 100.

⁵ Б. А. Колчин. Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа. МИА, № 55, 1956, стр. 137.

⁶ Там же, стр. 137.

- 15-й ярус — 80-е годы XII в.— самое начало XIII в.
 14 ярус — самое начало XIII в.—20-е годы XIII в.
 13 ярус — 20—40-е годы XIII в.
 12 ярус — 40-е годы XIII в.—23 мая 1267 г.
 11 ярус — 23 мая 1267 г.—80-е годы XIII в.
 10 ярус — 80-е годы XIII в.—28 июня 1311 г.
 9 ярус — 28 июня 1311 г.—1342 г.
 8 ярус — 1342 г.—1368 г.
 7 ярус — 1368 г.—1394 г.
 6 ярус — 1394 г.—1414 г.
 5 ярус — 1414 г.—40-е годы XV в.
 4 ярус — 40-е годы XV в.—1471 г.
 3 ярус — 1471 г.—начало XVI в.
 2 ярус — 10—30-е годы XVI в.
 1 ярус — середина XVI в.
 0-й ярус — вторая половина XVI в.
 00-й ярус — конец XVI в. и рубеж XVI и XVII вв.»⁷

Каковы конкретные представления А. В. Арциховского о своей хронологической шкале теперь, после возникшей дискуссии, неясно, так как в основном вопросе — о связи следов пожарищ в раскопках с летописными записями о пожарах — А. В. Арциховский круто изменил свою точку зрения и резко отмежевался от Б. А. Колчина, заявив, что тот «подобрал несколько летописных пожаров, но увлекся»⁸.

Для того чтобы иметь возможность продолжать серьезное рассмотрение новгородской хронологии, необходимо четко и ясно оговорить границы спорного и бесспорного и определить наши точки зрения после первого обмена статьями.

1. Условность новгородской «ярусологии». Мои расхождения с авторами новгородской шкалы по вопросам установления относительной хронологии сводятся к следующему: А. В. Арциховский и Б. А. Колчин полагают, что бревенчатые настилы уличных мостовых — «ярусы» — могут определять хронологию культурного слоя не только на улице близ самой мостовой, но повсеместно, и во дворах усадеб, и на задворках и внутри сооружений. С 1951 по 1956 г. в Новгородской экспедиции произошло существенное изменение терминологии — первоначально применялись слова «строительный ярус» и вещи определялись как найденные между двумя соседними строительными ярусами⁹. Никого из археологов не смущило бы такое определение местоположения вещей между двумя строительными ярусами.

Однако в дальнейшем исчезло слово «строительный» и остался просто «ярус», определяемый «толщиной плах и лаг».

Напрасно в своей ответной статье А. В. Арциховский берет на себя труд утверждать, что будто бы «строительный ярус» и «просто ярус» — это одно и то же, что будто бы он только в целях экономии печатных знаков употребляет сокращенный термин.

Каждому археологу ясно глубокое различие по существу между «строительными ярусами» (понятиями историческими) и теми загадочными горизонтальными пластами-ярусами, количество которых удивительным и необъяснимым образом совпадает с количеством мостовых.

Б. А. Колчин изобразил в своей статье на рисунке № 51 соотношение толщины культурного слоя, пластов, ярусов и столетий. Оказалось, что ярусы, как правило, равны пластам, проведенным по нивелиру, т. е. толще слоя в 20 см¹⁰.

⁷ Тр. НАЭ, т. II, МИА, № 65, 1959, стр. 5—6.

⁸ А. В. Арциховский. О новгородской хронологии, стр. 110.

⁹ А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамсты на бересте. М., 1953, стр. 54 и 60—61.

¹⁰ Б. А. Колчин. Ук. соч., стр. 131, рис. 51.

Мои возражения основываются на двух положениях: во-первых, «ярус» представляется мне механическим делением культурного слоя, пригодным только для участков непосредственно вблизи самого настила мостовой.

Во-вторых, я сомневаюсь в том, что А. В. Арциховскому и Б. А. Колчину всегда удавалось в процессе раскопок достоверно связать находки внутри усадеб с горизонтом мостовой, так как ряд раскопочных участков отстоит на 30—50 м (!) от уличной мостовой и трудно даже предположить, что жизнь внутри дворов и домов подчинялась замене старых брёвен на улице новыми.

А самое главное, что ни Б. А. Колчин, ни А. В. Арциховский (ни в основных публикациях, ни в ответной статье) не привели ни одного доказательства возможности такой привязки. Доказательством могут быть только графические профили стенок раскопов или специально оставляемых для стратиграфического анализа перемычек («брювок») внутри раскопов.

Каково может быть в таких условиях отношение археологов к «ярусу»? Конечно, только как к величине *у словной*.

Насколько продвинул А. В. Арциховский изучение ярусов и доказательства их действительного существования в своей ответной статье? Признавая теперь важность публикации профилей, А. В. Арциховский не смог все же привести ни одного убедительного доказательства своих «ярусов» и так и не опубликовал ни одного профиля.

Необходим графический документ, подтверждающий правильность этой привязки. До тех пор, пока НАЭ не опубликует комплекта профилей, говорить о «ярусах» бесполезно, и читатели статей А. В. Арциховского и Б. А. Колчина должны руководствоваться рисунком № 51¹¹.

Если Б. А. Колчину можно было заменить серию профилей схемой № 51, то А. В. Арциховскому это сделать труднее, так как он теперь признал, наконец, что «в разных местах толщина яруса разная»¹².

Даже одних этих соображений о недоказанности «яруса» было бы достаточно для того, чтобы признать его понятием условным. В моей статье было высказано, кроме того, еще два соображения. 1. Более органическим членением культурного слоя могли бы являться строительные периоды, прослеженные в последнее время П. И. Засурцевым и ощущимые по колчинским схемам¹³. А. В. Арциховский, как я покажу ниже, даже не понял моей таблицы с изображением строительных периодов. 2. Предполагаемую Б. А. Колчином и А. В. Арциховским хронологическую чистоту каждого яруса неизбежно запутывали потолочные засыпки.

Как широко известно этнографам, бревенчатые потолки изб засыпали для сохранения тепла слоем земли. С этим связано летописное выражение: «прокопа истобку», примененное к Ольбету Ратиборичу, стрелявшему в Илларя сквозь потолок избы. Археологически такие прослойки потолочных засыпок известны во Вщиже и Любече. В своей статье о Вщиже в 1951 г. я показываю, как влияют потолочные засыпки на стратиграфию: земля для потолка бралась с поверхности и старые вещи, уже брошенные в землю, оказывались наверху и после разрушения дома прикрывали собою вещи более поздние, создавая, так сказать, обратную стратиграфическую хронологию¹⁴.

Это важное явление совершенно не учитывалось в Новгороде при раскопках и само наличие таких засыпок подвергалось неосновательным сомнениям.

Теперь А. В. Арциховский допускает: «возможно, что в древнем Новгороде потолки засыпали»¹⁵.

¹¹ Б. А. Колчин. Ук. соч., стр. 131, рис. 51.

¹² А. В. Арциховский. О новгородской хронологии, стр. 107.

¹³ Б. А. Рыбаков. Ук. соч., рис. 2; П. И. Засурцев. Постройки древнего Новгорода. МИА, № 65, стр. 291—294.

¹⁴ Б. А. Рыбаков. Раскопки во Вщиже в 1948—1949 г. КСИИМК, вып. XXXVIII, 1951, стр. 38—39.

¹⁵ А. В. Арциховский. О новгородской хронологии, стр. 113.

Никакие рассуждения А. В. Арциховского о времени накопления яруса, о возможности или невозможности образования слоя в 20 см. толщиной в промежуток между двумя пожарами (1340 и 1342 гг.) не могут быть серьезно приняты во внимание до тех пор, пока он не покажет действительных стратиграфических рубежей «ярусов». Пока этого нет, все его схемы повисают в воздухе.

А. В. Арциховскому кажется, что он убедительно возразил мне на мой тезис: «четкость ярусов в известной мере является фикцией».

Как же А. В. Арциховский доказывает то, что в процессе раскопок он и его помощники безошибочно определили, что бусы и браслеты, находимые на дворах, точно соответствуют по времени определенному замещению улицы, т. е. «ярусу»? Он приводит четыре цифровые таблицы и четыре графические схемы, из которых ясно только одно: а) стеклянные браслеты встречаются в 14 ярусах на протяжении 300 лет по хронологии А. В. Арциховского; б) золоченые бусы — в 11 ярусах на протяжении 250 лет; в) лимоновидные бусы — в 7 ярусах (около 150 лет); г) амфоры — в 19 ярусах (400 лет); д) шиферные прястица — в 24 ярусах на протяжении почти 500 лет¹⁶.

А. В. Арциховский почему-то думает, что приведенные справки имеют какое-то отношение к технике выявления яруса!

В другом месте А. В. Арциховский еще раз возвращается к вопросу о том, что «ярус» выделяется безошибочно и доказывает это не менее своеобразно: «Более ранние (по форме букв) грамоты всегда залегают в ранних ярусах, более поздние — в поздних. Это, наряду с типологией археологических находок, лучше всего доказывает (?), что наш ярус не „фиксация“...»¹⁷.

Ведь каждому, даже не археологу, ясно, что как бы ни копать землю, в каких бы единиц ни выражать глубину — в аршинах, в метрах, в лопатах, в пластах или в «толщине плах и толщине лаг», — ясно, что древние вещи окажутся ниже поздних (если нет искусственного перемещения).

Подведу итоги по разделу относительной хронологии.

1. Понятие «яруса» условно само по себе, так как введение его вызвано стремлением расчленить сложный культурный слой 5 000 м² на 28 хронологических разделов по числу настилов плах и лаг на улицах города.

2. Никаких доказательств правильности этого расчленения нет.

3. Все выводы, основанные на вере в хронологическую и стратиграфическую чистоту «яруса», лишены доказательной силы.

4. Перекопы и потолочные засыпки перемещали до 10—15% вещей на несколько ярусов вверх, что неизбежно затрудняет создание четкой и достоверной шкалы.

5. Приведенные А. В. Арциховским таблицы длительности бытования некоторых вещей по своей природе не могут доказывать правильности раскопочной методики выделения ярусов и помещены им ошибочно.

Эти таблицы доказывают еще раз условность понятия «яруса».

6. Делением на условные ярусы можно пользоваться почти на тех же основаниях, что и делением на пласти.

Условность понятия «ярус» делает крайне условными и статистические подсчеты, которые могут дать лишь общие контуры распределения вещей в слоях и прослойках.

7. А. В. Арциховский в своей ответной статье не внес ничего нового в науку по разделу относительной хронологии.

2. **Условность датировок массового археологического материала.** А. В. Арциховский и Б. А. Колчин постоянно утверждают, что их хронологическая шкала основана на анализе массового археологического материала, встречаемого как в Новгороде, так и вне его в курганах и городских слоях всей Руси.

¹⁶ А. В. Арциховский. О новгородской хронологии, стр. 116—120, рис. 3—6.

¹⁷ Там же, стр. 125.

Что это означает? Во-первых то, что в 1951 г. А. В. Арциховский, впервые приступая к расчленению мощного слоя Неревского конца, добросовестно и со знанием дела использовал некоторые категории общерусских вещей для получения самых общих хронологических выводов. Во-вторых, это означает, что расплывчатые и зачастую плохо обоснованные даты русского археологического материала XI—XVI вв. «хорошо уложились» в точную и детальную схему Б. А. Колчина, созданную где-то за пределами этого массового материала¹⁸.

Как пишет об этом сам Б. А. Колчин, «хронологические рамки тех или иных новгородских древностей почти всегда укладываются в более широкие и расплывчатые даты этих предметов, найденных на других древнерусских археологических объектах»¹⁹.

Я не вижу здесь участия общерусского материала в разработке новгородской шкалы; обе группы существуют самостоятельно²⁰.

Для показа того, что общерусский материал сам по себе, при существующей в настоящее время плохой разработанности его дат, не может быть основой новгородской шкалы, я составил в своей статье график, вызвавший резкие нападки А. В. Арциховского²¹. Мой оппонент пытается изобразить дело так, что будто бы график составлен мною для установления точных дат, и он тратит 7 страниц своего текста на «опровержения», заполняя их рассуждениями о фальсификации, о подлогах и всяких других неблаговидных действиях²².

Неверно! В том-то и дело, что график составлен для проверки того — может ли массовый археологический материал при данном состоянии его изученности служить основой для точной шкалы новгородских древностей. И вывод получен мною отрицательный: «нетрудно заметить,— пишу я в статье,— что четких рубежей между столетиями здесь нет: вещи XI в. сосуществуют с вещами X в. на протяжении 6-ти ярусов; вещи XII в. сосуществуют с вещами XI в. тоже на протяжении 6 ярусов (и т. д.)...».

«На основании массовых археологических находок,— продолжаю я,— мы можем датировать ярусы Неревского конца (принимая формулу А. В. Арциховского, средняя длительность яруса = $\frac{0 \text{--} m}{28 \text{ ярусам}} \approx \approx 20 \text{ годам}$) с допустимой погрешностью до одного столетия...»²³.

Вот это и есть мой главный вывод, выделенный в тексте разрядкой.

Иначе не могло и быть, так как одной из составных частей графика являются «мнения археологов, занимавшихся ранее датировкой этих вещей по другим, не новгородским комплексам»²⁴. А это, разумеется, величина условная, зависящая от субъективных оценок.

Те незначительные поправки, которые вводит А. В. Арциховский²⁵, только усилият мой основной вывод об условности и ненадежности массового материала (в том виде, в каком он был изучен прежними исследователями) для уточнения новгородской хронологии.

¹⁸ Б. А. Колчин. Топография..., стр. 125.

¹⁹ Б. А. Колчин. Хронология новгородских древностей. СА, 1958, № 2, стр. 94.

²⁰ Там же, стр. 94.

²¹ Б. А. Рыбаков. К вопросу..., стр. 90, рис. 3.

²² А. В. Арциховский. О новгородской хронологии, стр. 114—120.

²³ Б. А. Рыбаков. К вопросу..., стр. 89.

²⁴ Там же, стр. 89.

²⁵ А. В. Арциховский. О новгородской хронологии, стр. 114—115. Датировка новгородских калачевидных кресал взята мною у Б. А. Колчина, который ссылается на А. А. Спицына: «...Калачевидные кресала (огнива) встречаются исключительно в курганах XI—XII вв.» (Б. А. Колчин. Топография..., стр. 126). Гнездовские курганы X в., не учтенные мною, при этом ничего существенного не изменят, а только сдвинут на графике «примерный рубеж столетий». сделал его еще более условным.

Б. А. Колчин опирался на 14 видов массового археологического материала (табл. I—XIV). Хронологический диапазон этого материала (по данным Б. А. Колчина) таков:

1 вид вещей (золотоординская керамика)	— 100 лет
2 вида »	— по 150 лет
4 вида »	— по 200 лет
6 видов »	— по 300 лет
1 вид »	— 400 лет

Никакие диаграммы, никакие статистические подсчеты не могут доказать, что количество тех или иных вещей в том или ином ярусе может помочь уточнению датировки данного яруса — ведь узкий хронологический промежуток одного яруса (около 20 лет) укладывается в диапазоне массового археологического материала в исключительных случаях 5—7 раз, а в большинстве случаев (11 из 14-ти) — 10—15 раз!

В будущем, когда новгородская шкала станет более точной, к олицетворению (или проценту) вещей в том или ином ярусе будет служить отправной точкой для датировки подобных вещей вне Новгорода, но при составлении новгородской шкалы статистические подсчеты не могли самим по себе служить основой для уточнения новгородских дат.

По поводу всего этого раздела абсолютной хронологии, который у руководителей НАЭ будто бы основан на массовом материале, я могу только повторить свой прежний вывод: «Итак, массовый археологический материал, привлеченный Б. А. Колчином, не может сам по себе служить основой его детальной хронологической шкалы»²⁶.

3. Прокрустово ложе средних цифр. В каждой хронологической шкале самым трудным звеном является перевод относительной хронологии в абсолютную. В работах Б. А. Колчина этот трудный этап искусно замаскирован; точная шкала возникает перед читателем внезапно и без доказательств. Я не буду повторять здесь тот раздел своей статьи, в котором я шаг за шагом прослеживаю ход рассуждений Б. А. Колчина и выясняю, что все привлекаемые им материалы укладываются им заранее заготовленную форму, в ровный график, составленный по нивелиру и простейшим формулам²⁷.

Понимая всю недопустимость подобной методики для окончательного, «не подлежащего уточнению» варианта шкалы, А. В. Арциховский, естественно, сильно раздражен против меня за то, что я обнародовал «мнимое злодейство Б. А. Колчина».

На основе каких «наслоений» создана новгородская хронология? На основе условно выделяемого «яруса», который «фигуры не имеет» и на профиле изображен быть не может? Или на основе пожарных прослоек, значение которых отрицает теперь А. В. Арциховский.

На основе каких «находок» сложилась шкала новгородских древностей? Не тех ли амфор, бус и прядильц, которые везде бытуют несколько веков, а в Новгороде встречены во многих ярусах? Не тех ли печатей и монет, время попадания которых в культурный слой всегда остается археологам неизвестным, не тех ли берестяных грамот XIII—XIV вв., в которых издатель отыскивает порою признаки архаичной болгарской графики X в.?²⁸.

Нет, хронология Б. А. Колчина создавалась только при самом общем, приблизительном сопоставлении с этими материалами, но не на их основе.

²⁶ Б. А. Рыбаков. К вопросу..., стр. 90.

²⁷ Б. А. Рыбаков. К вопросу..., стр. 88—92 и рис. 6.

²⁸ А. В. Арциховский, В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1955 г., М., 1958, стр. 26.

Мне трудно понять, как может А. В. Арциховский отрицать теперь то, что в их предварительных хронологических расчетах участвовали формулы и графики.

Во-первых, для предварительной ориентировки формула А. В. Арциховского ($1 \text{ ярус} = \frac{600 \text{ годам}}{28 \text{ ярусам}} \approx 20 \text{ годам жизни Новгорода}$) совершенно необходима, и никто не может упрекнуть авторов в пользовании ею.

Во-вторых, эта формула существует в опубликованном виде, отрицать ее наличие не представляется удобным, и колчинский график (основанный на этой формуле) тоже существует²⁹. А. В. Арциховский приписал открытие этой формулы мне и делал вид, что он ее не знает!

Но, может быть, не существует формулы: « $15 : 3 = 5$ », т. е. 15 ярусов охватывают 3 столетия и, следовательно, на 1 столетие приходится 5 ярусов, а 1 ярус будет равняться 20 годам? Нет, и она существует.

Я еще раз попрошу читателей взглянуть на единственный стратиграфический документ в огромной статье Б. А. Колчина, на тот злополучный для него рисунок № 51, который я перепечатал в своей статье, учитывая важность его для целей анализа³⁰.

Теперь по поводу этого рисунка А. В. Арциховский пишет: «Рисунок 51 не служил заменой профилей, но и вообще он оказался неудачным, что Б. А. Колчин теперь признал»³¹. Признавая его неудачным, Арциховский признает неудачной всю свою хронологию.

Сущность этого «неудачного» рисунка очень интересна: это не просто случайный рисунок, без которого можно было бы обойтись — этим графиком Б. А. Колчин подводит итоги всему исследованию о хронологии, а исторической расшифровке этого графика он посвящает четыре столбца своих окончательных выводов о хронологии 28 ярусов³².

На графике представлены четыре формы членения культурного слоя Неревского конца: 1) глубина в метрах; 2) пласт; 3) ярус; 4) век.

Для трех столетий (кстати сказать, наиболее спорных) — XI, XII, XIII — отведено $15\frac{1}{2}$ ярусов — от 25-го до середины 10-го яруса — и столько же пластов (от 30-го до 15-го).

Все эти ярусы равны по толщине пластам.

Любые пять ярусов-пластов образуют точно один метр слоя.

Любые пять ярусов-пластов образуют почти точно одно столетие. 1 ярус = 1 пласту = 20 годам.

Рубежи веков проведены по этой же пятиричной системе:

Рубеж X и XI вв.—25-й ярус

Рубеж XI и XII вв.—20-й ярус

Рубеж XII и XIII вв.—15-й ярус

Рубеж XII и XIII вв.—15-й ярус

Все это могло получиться только потому, что 15 ярусов-пластов Б. А. Колчин разделил на 3 столетия и получил 5 ярусов по 20 лет (и по 20 сантиметров каждый).

Вот где действует эта, якобы неизвестная А. В. Арциховскому, формула $15\frac{1}{2} : 3 = 5$. Она изображена собственной рукой Колчина на рисунке № 51, она составляет его основу.

Да, действительно неудачный рисунок! Ведь если бы его не было, то все эти формулы и графики можно было бы и впредь отрицать или объявлять их изобретением Б. А. Рыбакова. Можно было бы продолжать настаивать на том, что «никто никогда не делал никаких научных выводов на основе этого непрятязательного деления», как делает это А. В. Арци-

²⁹ А. В. Арциховский. Археологическое изучение Новгорода. МИА, № 55, стр. 17; Б. А. Колчин. Топография..., стр. 131, рис. 51.

³⁰ Б. А. Рыбаков. К вопросу..., рис. 1.

³¹ А. В. Арциховский. О новгородской хронологии, стр. 109.

³² Б. А. Колчин. Топография..., стр. 131—133.

ховский³³. Что касается «непрятательности деления», то я не смею спорить с его автором, оно действительно пригодно только для самых предварительных расчетов.

Но вспомним первооснову этого деления — «формулу Арциховского» — ярус = $\frac{600 \text{ годам}}{28 \text{ ярусам}} \approx 20$. Ведь эта непрятательная (хотя и необходимая на первых порах) формула и лежит в основе равномерного колчинского графика, по крайней мере для самых интересных трех столетий — XI, XII, XIII.

Прежде чем писать о том, что никто, никогда не делал никаких научных выводов на этом основании, А. В. Арциховскому следовало бы учесть, что читатели его статьи могут раскрыть I том «Трудов Новгородской экспедиции» и прочесть там: «Границу XI и XII вв. мы проводим через 20-й ярус у словно. Рубеж XII и XIII вв. проходит через 15-й ярус. Это опять наиболее целесообразное решение, так как при данной хронологии хорошо укладываются по ярусам стеклянные браслеты и шиферные пряслица, не нарушая стратиграфии печатей и других находок»³⁴.

Где здесь выводы из анализа материала и прослоек? Б. А. Колчин прямо пишет об условности границы веков, а потом радуется, что в его сетку «хорошо уложились» — браслеты и пряслица (из них первые встречаются в 14 ярусах, а вторые, как мы уже видели, в 24).

Итогом всего обширного исследования Б. А. Колчина о стратиграфии и хронологии являются: «неудачный» рисунок № 51 и две таблицы, посвященные вещам и сооружениям (№ 52 и 53). Они дают читателю в готовом виде соотношение ярусов и столетий, как его понимает Б. А. Колчин, не раскрывая самой механики установления этого соотношения.

Для того чтобы подвергнуть анализу метод составления таблицы № 51, я перестроил ее по осям координат, показав ярусы горизонтальными строчками, а столетия и десятилетия — вертикальными графиками³⁵. Хронологическая кривая, соединяющая одно столетие с другим, должна начинаться в левом нижнем углу и подниматься в правый верхний угол.

Я нанес на этот график и колчинский, и свой варианты хронологии. Мой вариант дал зигзагообразную кривую; один подъем этой линии начался в XII в. и завершился в начале XIII в., а другой начался в XIV в. Колчинский вариант дал идеальную прямую линию! Эта прямая, начинаясь от клада 972 г., до грамот Онцифора (1350—54 гг.) равномерно пересекает рубежи веков в точно положенных Б. А. Колчином местах: 25-й, 20-й, 15-й, 10-й ярусы³⁶. Вот и вся механика.

Прямолинейность графиков всегда является результатом применения средних цифр. Прямолинейность хронологии Арциховского — Колчина явилась тоже результатом излишнего доверия к средним цифрам.

Вся пресловутая «сверхточность» и непогрешимость новгородской хронологической шкалы является всего-навсего результатом механического разделения 300 лет между 15-ю условными пластами культурного слоя, называемых «ярусами».

Чтобы достигнуть предельной ясности моей позиции, я повторю, что не вижу никакого «злодейства» в создании подобных примерных расчетов, графиков со средними величинами, простеньких формул на раннем этапе работы над хронологией.

Но в таком случае и публиковать эту хронологию нужно с оговоркой, как приблизительную. В своем ответе А. В. Арциховский касался любых мелочей, спорил по поводу ничего не значащих деталей, но этот главный вопрос о прямолинейности хронологического графика он обшел молчанием, не возразив ничего.

³³ А. В. Арциховский. О новгородской хронологии, стр. 110.

³⁴ Б. А. Колчин. Топография..., стр. 133.

³⁵ Б. А. Рыбаков. К вопросу..., стр. 89, рис. 6.

³⁶ Там же.

* * *

Однако график Б. А. Колчина (его рис. № 51) не остался для него только примерной ориентировочной схемой; он был руководством к действию. Массовый археологический материал с его широкими хронологическими рамками безболезненно «укладывался» в сетку ярусов. Печати и монеты оказались уже сильно сжатыми этой сеткой — сетка колчинских ярусов до предела сокращает время бытования их.

Еще хуже обстояло дело с пожарами: на прямой линии, проведенной мною на графике по данным Б. А. Колчина³⁷, два пожара (1299 и 1311 гг.) пришлись на один 10-й ярус, а два других пожара (1340 и 1342 гг.) тоже пришлись по этому прямолинейному графику на один 9-й ярус. И именно эти четыре пожара и явились камнем преткновения для Б. А. Колчина. Нет лучшего доказательства того, что Б. А. Колчин пользовался подобным графиком!

Как быть создателю сверхточной шкалы, как распределить два реальных археологических пожарища 10-го и 9-го ярусов между четырьмя красочными и подробными летописными записями о четырех разных пожарах в Неревском конце? Вот здесь-то и вступает в дело прокрустово ложе средних цифр, здесь-то Б. А. Колчин и начинает, по выражению А. В. Арциховского, «подбирать» пожары. Два первых летописных пожара он разместил без всяких доказательств на одном пожарище, разделив его на южную группу и на северную, но по недосмотру некоторые здания южной группы оказались в самой северной части раскопа, а это лишает доказательной силы всю механику топографического расчленения.

Со второй парой пожаров Б. А. Колчин справился по иному — он просто исключил «великий пожар» 1340 г. и связал пожарище только с пожаром 1342 г.

Хорошо, что А. В. Арциховский признал теперь, что «Б. А. Колчин неверно использовал пожары, а я напрасно с ним здесь согласился. Попытки прямо датировать пожарища по историческим пожарам всегда заманчивы, но всегда обманчивы. Это опасное упрощение хронологической методики»³⁸.

Нет, упрощение состоит не в том, что историк и археолог совместно распутывают свиту пожарищ и летописных рассказов, а в том, что в готовую схему, построенную на средних цифрах, укладываются летописные записи. Горе тем фактам, которые вышли за линию прямолинейного графика, они будут исключены из хронологической шкалы.

Так случилось с пожарами 1299 и 1340 г., так случилось с точной датой грамоты Онфима — они не уложились в прокрустово ложе непогрешимой прямой линии.

4. Палеография и А. В. Арциховский. В условиях Новгорода, когда находки надписей исчисляются сотнями, палеографическая датировка приобретает особую важность. Это прежде всего относится к таким редким случаям, когда несколько грамот одного лица, написанные в одно время, найдены в одном ярусе, как это наблюдалось с комплексом грамот мальчика Онфима. Независимо от того, читается или не читается на грамоте № 206 точная дата — 1263 г., сама палеографическая дата комплекса (по форме букв) представляет собой огромную важность для датировки всего 15-го яруса, в толще которого разбросано свыше десятка абсолютно одновременных грамот.

К сожалению, с палеографией берестяных грамот дело обстоит в Новгородской экспедиции не блестящее.

Л. П. Жуковская, давшая очень интересный анализ 24 грамот из находок 1951—1952 гг., не продолжила своей важной работы. Л. В. Черепнин, взявший на себя труд составления сводной азбуки берестяных грамот XI—

³⁷ Б. А. Рыбаков. К вопросу..., рис. 6.

³⁸ А. В. Арциховский. О новгородской хронологии, стр. 112.

XII и XIII—XV вв., опирался в распределении грамот по векам на стратиграфические датировки А. В. Арциховского³⁹. Сам издатель грамот, А. В. Арциховский, до сих пор не дал ни сводной азбуки, ни анализа специфики начертаний на бересте, ни обзора общей эволюции берестяного письма.

В ряде случаев А. В. Арциховский обнаруживает некоторую неосведомленность в отношении элементарных палеографических форм. Так, например, ему в свое время было неизвестно начертание і десятичного в виде крестика (грамоты № 1, № 69 + ‡, на то было указано Л. П. Жуковской и другими⁴⁰). А. В. Арциховский почему-то считал эту букву «разделятельный знаком»⁴¹. Публикуя грамоту № 108, А. В. Арциховский встал в тупик перед «непонятным условным знаком», который на самом деле представлял собой обычное для той эпохи У, перечеркнутое небольшой черточкой Ү. А. В. Арциховский вынужден был отказаться от прочтения этой интересной грамоты и дать по этому поводу такое объяснение: «Прочтению грамоты препятствует употребление непонятного условного знака У. Нет оснований видеть здесь У. Эта буква так не писалась, да она и не дает здесь смысла. Вероятно, перед нами условное сокращение...»⁴².

Во-первых, буква У так писалась; достаточно указать на новгородскую Кормчую 1282 г.⁴³. Кроме того, среди самих берестяных грамот есть такое начертание У (грамоты №№ 61, 115, 121).

Во-вторых, что касается смысла грамоты, то мне уже приходилось указывать А. В. Арциховскому (когда я редактировал его книгу), что смысл здесь вполне ясен — это завещание, в котором упоминаются пашни (а не пшено, как почему-то думает А. В. Арциховский) стоимостью в 9 гривен, клетище ценою в гривну и сумма с двумя гривнами мелких денег (мордок) для погребальных целей⁴⁴.

Такое же пренебрежение к палеографии А. В. Арциховский проявил и при публикации грамот Онфима, заслуживающих большого внимания. В процессе дискуссии я указал А. В. Арциховскому на то, что в комплексе ученических черновиков из 15-го яруса есть не только грамоты мальчика Онфима. Грамота № 201, описанная издателем как принадлежащая Онфиму⁴⁵, прописана ему совершенно ошибочно, что А. В. Арциховский вынужден был признать на заседании⁴⁶.

Грамота № 201 — тоже ученическая азбука со складами, но написана совершенно иной рукой. Можно думать, что учителя Онфима и второга мальчика были разными.

Перечислю отличия:

1. Резко отличается буква А с законченной каплеобразной петлей, подвешенной к верхней перекладинке Ӑ Ӑ.
2. Буква В образована двумя полукружиями, а не угловатая, как у Онфима В.

³⁹ Л. П. Жуковская. Палеография. Сб. «Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот». М., 1955, стр. 13—78; Л. В. Черепинин. Русская палеография. М., 1956, стр. 162—164, 251—256.

⁴⁰ Л. П. Жуковская. Ук. соч., стр. 37, 146, 190, 204.

⁴¹ А. В. Арциховский. Раскопки 1952 г. в Новгороде. ВАН, 1952, № 12, стр. 54.

⁴² А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1953—1954 года. М., 1958, стр. 38.

⁴³ Я. И. Трусевич. Свод 260 азбук и образцов кириллицы. СПб., 1905.

⁴⁴ А. В. Арциховский и В. И. Борковский. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1953—1954 года, стр. 38, примечание редактора (Б. А. Рыбакова).

⁴⁵ А. В. Арциховский. Берестяные грамоты мальчика Онфима. СА, 1957, № 3, стр. 220. «Грамота № 201 содержит опять полный алфавит. 36 букв нанесены в полном порядке». Ни слова не сказано о большом своеобразии почерка этой азбуки и складов. Ни фотографии, ни прориси этой грамоты в статье нет.

⁴⁶ 8 апреля 1959 г. на заседании секции славяно-русской археологии Пленума НИМК АН СССР.

3. Совершенно по-другому пишется Ж с очень высоко поднятым верхом Ж.

4. Буква И отличается пересечением горизонтальной черты, чего Онфим не делал И.

5. Буква К отлична от соответственного начертания Онфима как и Ж К.

Общей стилевой чертой второго мальчика являются двоеточия между буквами, односторонние угловые подчеркивания основных линий, иногда направленные не вниз, а вверх и в бок. Эти особенности встречаются иногда и у Онфима (например, грамота № 200), но здесь они последовательно проведены во всех буквах.

Азбука второго мальчика представляет особый интерес, так как она в отличие от обычных деловых писем, упрощающих начертания, дает то, что В. Н. Щепкин назвал «стильным почерком», складывающимся во второй половине XIII в. и получившим полное развитие в XIV в.⁴⁷.

Главным признаком этого почерка второй половины XIII в. является, как известно, сокращение верхов букв, общий подъем так называемой «сигнальной линии»⁴⁸.

Методическая ошибка А. В. Арциховского как палеографа заключается в том, что он не принял во внимание ни в своей работе над грамотами вообще, ни при обдумывании ответа мне, предостережений М. В. Щепкиной и Л. П. Жуковской, установивших запаздывание берестяной графики по сравнению с пергаменно-бумажной. Это запаздывание, этот мнимый архаизм обусловлены спецификой бересты как материала и деловым характером письма. «...Письмо здесь (на бересте — Б. Р.) более самостоятельное, типы его несколько запаздывают... Писцы продолжают употреблять архаичные типы букв... Эта вынужденная архаичность типов создает четкое, но обезличенное, бесстильное письмо и при отсутствии других показателей древности затрудняет временами определение века»⁴⁹.

Л. П. Жуковская, занимавшаяся специально палеографией берестяных грамот, неоднократно пишет о запаздывании типов начертаний букв на бересте⁵⁰.

Сопоставление бересты с обычными рукописями вполне правомерно, как показала там же Л. П. Жуковская, но совершенно необходимо при датировках основываться не на наличии архаических признаков (не определяющих в этих условиях времени почерка), а на появлении новых, необычных начертаний, которые или проникают на бересту из книжной графики, или же возникают в берестяном письме самостоятельно. А. В. Арциховский же, как я уже указывал в своей статье, иногда изображает мнимые архаизмы⁵¹.

Были случаи, когда недоучет запаздывания берестяной графики приводил А. В. Арциховского в противоречие не только с лингвистами, но и с самим собой: так, грамоту № 69, найденную в 12-м ярусе (по новгородской шкале — 1267 г.), А. В. Арциховский датирует палеографически XII в., но лингвисты твердо относят ее к XIII в., отмечая, что некоторые фонети-

⁴⁷ В. Н. Щепкин. Учебник русской палеографии. М., 1918—1920, стр. 104.

⁴⁸ Там же, стр. 104.

⁴⁹ М. В. Щепкина. Рецензия на книгу А. В. Арциховского и М. Н. Тихомирова «Новгородские грамоты на бересте». М., 1953, ВИ, 1954, № 4, стр. 159—160.

⁵⁰ Л. П. Жуковская. Ук. соч., стр. 17, 25, 36, 70, 77.

⁵¹ Публикую грамоту № 147, А. В. Арциховский, ссылаясь на Е. Ф. Кацкого, утверждает, что такое начертание архаично и «на Руси встречается лишь в XI в.» (стр. 26). Это неверно; Л. В. Черепнин привел примеры перевернутого Ю и для XII, и для XIII вв. И на бересте эта форма живет до 11-го яруса (грамота № 191), который по А. В. Арциховскому датируется 80-ми годами XIII в. Буква Щ, уменьшенная в строке, тоже не имеет никакого отношения в данном случае ни к гнездовской надписи X в., ни к надписи царя Самуила 993 г. Это начертание Л. В. Черепнин указывает для XIII в. (стр. 155), а на бересте оно доживает до 9-го яруса — первая половина XIV в. (грамота № 92). Таким образом, эти архаизмы — мнимые.

ческие явления, характерные для нее, вообще относятся к более позднему времени, к XIV в.⁵².

Второй пример — грамота № 144 из 10 яруса. «Нет ни одного призыва, указывающего на время позже XII в.», пишет о палеографии А. В. Арциховский, хотя и делает некоторые оговорки⁵³. Б. И. Борковский, не вступая в полемику по палеографии, возражает даже против стратиграфической датировки (1280—1311) и пишет «По-видимому, грамоту следует отнести самое раннее к XIV в.»⁵⁴.

Все эти примеры показывают как неразработанность берестяной палеографии, так и опасность доверчивого отношения к архаизмам.

* * *

Защищая свои палеографические позиции, А. В. Арциховский заботится прежде всего о том, чтобы получить в глазах читателя словесное преимущество.

Он вспоминает о заседании 3 марта 1959 г., где он «опровергал палеографические аргументы»: «Я показал тогда, что все указанные им (Б. А. Рыбаковым — *B. P.*) аналогии неверны»⁵⁵. «Мое выступление было полезным прежде всего для Б. А. Рыбакова, поскольку теперь он убрал свои палеографические аргументы»⁵⁶.

Говоря о грамотах Онфима, А. В. Арциховский (снова забыв о «вынужденном архаизме» бересты) пишет: «Ранняя дата подтверждена тем, что ни Б. А. Рыбаков, ни М. В. Щепкина не смогли указать у Онфима ни одного признака XIII в. М. В. Щепкина не назвала в своем выступлении ни одной буквы. Она только сослалась голословно на некоторые (немногие) рукописи... Несмотря на полное отсутствие палеографических аргументов, Б. А. Рыбаков позволил себе поместить палеографию комплекса грамот Онфима в число фактов, якобы подтверждающих его хронологию»⁵⁷.

В первом варианте своей статьи, сданной мною в «Советскую археологию» и хорошо известной А. В. Арциховскому, я писал следующее: «Палеографические признаки онфимовой графики этой новой датировке (1263 г.), как мне кажется, не противоречат:

1. Ряд букв дает широкую дату XII—XIII вв.
 2. Написание і в виде крестика встречается в книгах 1282, 1284 гг.⁵⁸. На бересте такое написание есть на грамоте № 102 из 9-го яруса, но не встречается в более раннее время.
 3. Своеобразное усложненное написание букв К и ЖІЗІЗІЗІЗІ могло появиться только под влиянием пергаменного рисунка этих букв с утолщениями на концах, сделанными не путем нажима, а посредством дополнительного росчерка.

Такие начертания мы видим на книгах 1260, 1264, 1270, 1282, 1283 гг. и на новгородских пергаменных документах: договорная грамота Новгорода с князем Ярославом Ярославичем 1264 г. и рукописанье Климяты (середина или вторая половина XIII в.)⁵⁹ **Ж Ж Ж Ж Ж**.

⁵² Р. И. Аванесов. Фонетика. О написании предлога «С» без Ъ. Сб. «Палеографический и лингвистический анализ...», стр. 82.

⁵³ А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1955 г. М., 1958, стр. 23.

⁵⁴ Там же, стр. 112. По моей датировке, 10-й ярус будет середина XIV в.

⁵⁵ А. В. Арциховский. О новгородской хронологии, стр. 124.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ А. В. Арциховский. О новгородской хронологии, стр. 124 и 125.

⁵⁸ Я. И. Трусевич. Ук. соч., см. таблицы XII—XIII вв.

⁵⁹ М. Н. Тихомиров и М. В. Щепкина. Два памятника новгородской письменности. М., 1952, стр. 7, 26, 27.

4. Буква пси грамоты № 206 (не встречающаяся в других грамотах Онфима) близка по начертаниям к буквам Трефология 1260 г. и Новгородской Кормчей 1282 г.

5. Начертание в виде игрека встречено в книгах 1260, 1264, 1273 гг.⁶⁰.

Совокупность палеографических данных не позволяет выносить дату грамот Онфима за пределы второй половины XIII века, так как все перечисленные признаки появляются только лишь с середины этого столетия».

М. В. Щепкина, выступавшая на заседании сектора славяно-русской археологии ИИМК 5 марта 1959 г., коснулась в своем 40-минутном выступлении ряда вопросов, иллюстрируя выступление рисунками на доске. Позволю себе привести пересказ протокола заседания (председатель Н. Н. Воронин, секретари И. П. Русанова и Л. В. Алексеев). М. В. Щепкина считает, что:

1. Онфим — мальчик 10—12 лет, обладающий опытом письма на пергаменте.

2. Буква А, набухшие и поднятые петли других букв, энергичное подчеркивание пьедесталов и капителей мачт — все это характерно для устава XIII в.

3. Рукописи с начертаниями букв, аналогичными онфимовским, относятся к XIII в.: Апостол 1220-х годов, Новгородская летопись середины XIII в., духовная Климента около 1263 г. и Новгородская Кормчая 1281 г.

4. Написанная Онфимом на грамоте № 206 дата обозначает 6791 год = 1283 г.

Цифру сотен М. В. Щепкина понимает как округлое «пси», а не как «червь».

Цифру десятков она считает «коппой».

В ответ на реплику Б. А. Колчина М. В. Щепкина определенно заявила, что палеографическая дата почерка Онфима — «не ранее второй половины XIII в., но и не XIV век».

Каковы же те неотразимые аргументы А. В. Арциховского, которые будто бы заставили меня отказаться от своих наблюдений?

1. Перечеркнутое i десятиричное в виде крестика. Мы видели уже как неудачно знакомился с этой буквой А. В. Арциховский, согласившийся одно время считать ее «разделительным знаком». Теперь А. В. Арциховскому уже известно, что первое единичное появление этой формы на пергаменте можно отнести к концу XI века (приписка к книге 1096 г.). Однако не считает ли он, что имеют доказательную силу его слова: «нет никаких оснований думать, что на бересте ее стали применять позже», чем на пергаменте?⁶¹.

На бересте «i» в виде крестика встречено в грамотах XIII—XV вв. (№№ 61, 69, 102, 1) по датировке А. В. Арциховского.

Типичным явлением и для берестяной, и для пергаменной палеографии становится употребление ȝ = i десятиричного только в XIII—XIV вв. Так Л. В. Черепнин указывает XIII в.⁶² Я. И. Трусович указывает рукопись 1282, 1284, 1305, 1344 гг.

2. Палеографический разбор букв Онфима (точнее — 11 грамот, которые А. В. Арциховский приписывает Онфиму, включая № 201) Артемий Владимирович начинает с букв Б, Ъ, Ъ, у которых, по его мнению, «петли еще сохраняют геометрическую форму и еще не набухли; это признак XI—XII вв.».⁶³

М. В. Щепкина, как мы видим, держится противоположного мнения и именно набухшие петли считает признаком второй половины XIII в. Каковы же они на самом деле? Сохранили они геометрическую форму или нет?

⁶⁰ Я. Трусович. Ук. соч., те же таблицы.

⁶¹ А. В. Арциховский. О новгородской хронологии, стр. 124.

⁶² Л. В. Черепнин. Ук. соч., стр. 154.

⁶³ А. В. Арциховский. О новгородской хронологии, стр. 124.

Возьмем первую из грамот Онфима — № 199.

В азбуке Б и Ъ — с набухшими петлями; Б в слоге «бе» — **Б** **Ъ** **Б**⁶⁴

В грамоте № 201, принадлежащей не Онфиму, но относящейся к этому же комплексу, как в азбуке, так и в складах у Б и В петли утратили вся-кую геометричность **Б** **В** (хотя у Ъ и Ъ еще сохранили ее).

В грамоте № 200 петли у Б и В округлы **Б** **В** и о них никак нельзя сказать, что они «сохраняют геометрическую форму», достаточно взглянуть на рис. 4.

3. Третий аргумент изложен так: «Верхние черты «в», «к», «ж» еще не сокращены, это говорит о тех же веках» (т. е. об. XI—XII вв.—Б. Р.)⁶⁵.

Мне крайне неудобно отвечать А. В. Арциховскому на это его утверждение, так как я вынужден указать на его отклонение от истины.

Грамота № 199 (рис. 1) склады «ЖЕ» и «ЖИ» — перевод левой половины буквы выше середины средней мачты **Ж** **Ж**

Грамота № 201. И в азбуке, и в складах буква Ж, написана с очень сильно приподнятым перехватом, приходящимся почти на уровне верхней линии строки (не менее $\frac{4}{5}$ от низа мачты) **Ж** **Ж**. Подобные пропорции буквы Ж относятся к концу XIII или к XIV в.⁶⁶.

Грамота № 202 (рис. 5) в слове «доложживъ» буква «Ж» точно так же имеет очень высоко приподнятую сигнальную часть, что ранее XIII в. не встречается **Ж** **Ж**. Полную аналогию этому начертанию «Ж» дает рукопись

1288 г.⁶⁷ **Ж**.

Что касается буквы К, то в грамоте № 199 (обор. рис. 2) в предлоге «КО» буква К имеет сильно поднятый верх **К**. Такой же сильно поднятый верх (на $\frac{3}{4}$ от низа мачты) имеет К и в азбуке грамоты № 201 **К**.

Следует сказать, что наряду с указанными выше формами букв Ж и К существует иное начертание, дата которого тоже, как я постараюсь показать, не опускается древнее середины XIII в.

Для буквы В можно наметить только тенденцию к повышению средней линии (грамоты №№ 200, 201, 202).

4. «Середина омеги еще высока, что является признаком скорее даже XI века, а для XII в. лишь пережитком»⁶⁸.

Л. В. Черепнин указывает высокую омегу в числе типов XIV в. и ряд начертаний для XV в.⁶⁹.

5. «Характерно и «Ч», оно еще имеет вид бокальчика, а не палочки с расщепом; такие бокальчики типичны для XI—XII вв.⁷⁰. Л. В. Черепнин из 9 примеров «Ч» XIII в. указывает три в форме бокальчика⁷¹. У Я. И. Трусевича бокаловидное «Ч» приведено по данным рукописей 1262, 1283 гг. **Ч** **Ч**

⁶⁴ А. В. Арциховский. Берестяные грамоты мальчика Онфима, рис. 1.

⁶⁵ А. В. Арциховский. О новгородской хронологии, стр. 124.

⁶⁶ Б. Н. Щепкин. Ук. соч., стр. 99, рис. 39, строка 5, знак 5 и след. и строка 6. См. также стр. 102, 105 и рис. 40 на стр. 103; Е. Ф. Карский. Ук. соч., стр. 188, рис. (без номера) буквы №№ 4, 5, 6; Л. В. Черепнин. Ук. соч., XIII в., буква № 3; XIV в., буква № 5; Я. И. Трусевич. Ук. соч., лист VI — 1263 г., 1284 г., лист VII — 1284 г., 1296 г., лист VIII — 1302 г., 1305 г. и др.

⁶⁷ Я. И. Трусевич. Ук. соч., лист. VII.

⁶⁸ А. В. Арциховский. О новгородской хронологии, стр. 124.

⁶⁹ Л. В. Черепнин. Ук. соч., стр. 245; См. Я. И. Трусевич. Ук. соч. Лист. IX. Апостол новгородский 1309 г. — высокая середина у омеги. В XIV веке омега с высокой серединой обычна.

⁷⁰ А. В. Арциховский. О новгородской хронологии, стр. 124.

⁷¹ Л. В. Черепнин. Ук. соч., стр. 155.

6. Последний палеографический аргумент А. В. Арциховского — буква Р в виде тросточки — «она попадается только в ранних слоях». «Вопрос о хронологии новгородских слоев не имеет тут значения, поскольку все другие грамоты с таким «Р» старше, чем грамоты Онфима»⁷².

Раз это не имеет значения, то зачем же такой «аргумент» приводить? Самое большое, что можно сказать, это то, что на эпохе 15-го яруса закончилось применение этой своеобразной формы, но ведь это не имеет никакого отношения к нашему спору⁷³.

Если бы я хотел подражать А. В. Арциховскому, то уже на основании разбора этих шести его пунктов мог бы написать: «Несмотря на полное отсутствие палеографических аргументов, А. В. Арциховский позволил себе утверждать, что грамоты Онфима якобы относятся к XII веку». Но я не хотел бы ограничиться только разбором примеров, которые отобраны А. В. Арциховским. Продолжу рассмотрение некоторых хронологических примет грамот Онфима.

Буква «В» (грамота № 204), у которой верхний треугольник главенствует, а нижний приписан к нему, начинаясь не от мачты, а от верхней наклонной линии⁷⁴ Л. В. Черепнин указывает близкое В только для XIII—XV вв.⁷⁵. Буква У в виде игрека появляется только в XIII в.⁷⁶.

Наибольший интерес представляют своеобразные начертания букв Ж и К. Онфим часто пишет букву Ж в три приема: по сторонам вертикальной мачты он симметрично располагает две кривые линии, близкие по начертанию к цифре 3; справа от мачты она написана как 3, а слева — перевернута (как наше заглавное письменное Е) — 3 3. По этому же принципу пишется и К, но только нижний завиток «цифры 3» здесь иногда менее закруглен и опускается вниз — 13 13.

Думаю, что на этой своеобразной форме сказалось то, что Онфим, как установлено М. В. Щепкиной, писал и на пергаменте. На пергаменных рукописях именно во второй половине XIII в. появляется большое количество начертаний Ж, в которых эта буква изображается подобным образом: вертикаль и два симметричных зигзага. В. Н. Щепкин относит такую форму (равно как и У — игрек и подъем сигнальной линии) к новообразованиям XIII в., т. е. после 1237 г.⁷⁷. Л. В. Черепнин датирует XIII в. (стр. 154). В своде Трусевича подобная форма «Ж» впервые указана в рукописях 1260-х годов, но более явственно она изображена на книгах 1271, 1282, 1283 гг.⁷⁸ Ж Ж Ж Ж.

Итоги палеографического разбора. 1. Палеографические аргументы А. В. Арциховского не соответствуют действительной форме букв в грамотах Онфима и особенно в неопубликованной грамоте № 201.

2. В пользу второй половины XIII в. говорит следующее: подъем «сигнальной линии» — сокращение верхов букв Ж и К до $1/4$ или $1/5$; наличие новых начертаний, появляющихся только во второй половине XIII в. (У, В, Ж, К и некоторые другие); общий стиль почерка — широкий, квадратный, утяжеленный, с утилизированным подчеркиванием оснований.

3. Появление новых элементов, известных нам главным образом по рукописям 1260—1280-х годов, определяет датировку. Отмеченное исследователями запаздывание берестяной графики видно на ряде букв,

⁷² А. В. Арциховский. О новгородской хронологии, стр. 124—125.

⁷³ А. В. Арциховский указывает 8 аналогий букве Р в грамотах 19—16 ярусов. Но из них в грамотах №№ 155, 160, 163 эта буква иного типа. А две грамоты В. И. Борковский передатирует: грамоту № 113 — не ранее конца XIII в., а грамоту № 168 — серединой XIII в. Остаются три грамоты 17—16 ярусов.

⁷⁴ Я. И. Трусевич. Ук. соч., листы VI—IX. Рукописи — 1263, 1264, 1270, 1283, 1284, 1302, 1304, 1309—1312.

⁷⁵ Л. В. Черепнин. Ук. соч., стр. 154—244.

⁷⁶ Там же, стр. 155; Я. И. Трусевич. Рукописи — 1215, 1264, 1273 гг.

⁷⁷ В. Н. Щепкин. Ук. соч., стр. 102, рис. 39, строка 5, знаки 4, 6, 7, 8.

⁷⁸ Я. И. Трусевич. Ук. соч., листы VI, VII, VIII.

что и смутило, очевидно, А. В. Арциховского, не принимающего во внимание этого запаздывания и искусственной архаизации берестяных букв.

К счастью, палеография — наука объективная, и хронология грамот Онфима и его друга (№ 201) может быть проверена всеми. Что касается чтения даты на грамоте № 206, то сейчас существует три точки зрения:

1. А. В. Арциховский видит здесь бессмысленный набор цифр.
2. Б. А. Рыбаков и Л. П. Жуковская читают $\Sigma \Psi \odot \lambda = 6771 =$
= 1263 г.⁷⁹.

3. М. В. Щепкина считает третий знак коппой и дату читает = 1283 г.

Два последних взгляда находят полную поддержку в палеографии грамот Онфима и его соученика (вторая половина XIII в.).

Я продолжаю утверждать, что ученик Онфим, знаяший и коммерческую корреспонденцию, и молитвы, расставил цифровые знаки в четырехзначном числе именно так, как его этому учили: 1) знак тысяч — $S = 6000$; 2) знак сотен — Ψ «пси» (см. фото 1956 г.) = 700; 3) знак десятков — $O = 70$. Некоторое сходство этой буквы с буквой С (знак сотен) объясняется дефектами бересты. 4) Знак единиц — $A = 1$.

Все четырехзначное число читается так: $\Sigma \Psi \odot \lambda 6771 = 1263$ год.

5. Полемические приемы А. В. Арциховского. Уклонившись от всех главных методических вопросов, не продвинув ни на шаг систему доказательств своей старой хронологии и даже не сказав того, как же быть с «точными» колчинскими датами (до дня и часа) теперь, после отречения от пожаров, А. В. Арциховский стремится увести читателя в сторону мелких несущественных деталей.

Главным полемическим приемом А. В. Арциховского является сгущение красок для наиболее контрастного изображения своих и моих положений.

О себе он говорит в таком тоне:

«Находки 1953 г. явились не основанием, а подтверждением хронологии, подобно тысячам позднейших находок...».

«Можно было бы занять еще десятки страниц новыми примерами (моих ошибок.—Б. Р.)».

«Мои напечатанные хронологические аргументы по данному вопросу уже исчисляются сотнями»⁸⁰.

О моей статье А. В. Арциховский может говорить только так: Б. А. Рыбаков опирается на «фиктивные цифры» (стр. 109), «ложные постулаты», «произвольность выводов» (стр. 111), «грубые ошибки» (в вопросе о пожарах — стр. 112), «стремление Б. А. Рыбакова ввести в хронологию все полюбившиеся ему пожары привело к чудовищным и необъяснимым скачкам» (стр. 113), «всех его натяжек здесь не хватает» (стр. 115), линии на чертеже «он проводит произвольно, но надо сказать совсем не бесцельно» (стр. 115). «Хронология Б. А. Рыбакова ведет к грубому искажению их общепринятых дат» (стр. 119), «Б. А. Рыбаков дает для них (для стеклянных браслетов) фантастическую дату».

Расчет обороны от критики А. В. Арциховского очень прост — повторение одних и тех же слов может создать у его читателей видимость решительного и смелого отпора критику.

Но я предпочитаю говорить сейчас не о форме ответа А. В. Арциховского мне (в конце концов, каждый волен защищаться так, как он умеет), а о том, сумел ли А. В. Арциховский научно обосновать свое право на такой обличительный тон и соответствуют ли его красочные выражения действительности.

Рассмотрим некоторые примеры отношения А. В. Арциховского к своему критику.

⁷⁹ Л. П. Жуковская. Новгородские берестяные грамоты. М., 1959, стр. 26.

⁸⁰ А. В. Арциховский. О новгородской хронологии, стр. 110, 120, 125.

1. Что означает «произвольность выводов» и «грубые ошибки» в сопоставлении пожарищ с летописью.

А. В. Арциховский умалчивает о всех моих хронологических аргументах и настойчиво повторяет читателю: «На чем же Б. А. Рыбаков основывает свои даты? Только на пожарах. А ведь это совсем не основание» (стр. 110). «Б. А. Рыбаков на пожарах основал все». «Хронология Б. А. Рыбакова покоятся только на пожарищах» (стр. 112).

Я предпосыпал бы только торопливостью объяснить конечный итог, к которому пришел А. В. Арциховский при чтении моей статьи. Ему показалось (или он так хотел представить дело читателям), что в этой статье, посвященной критике его раскопочных приемов, методов фиксации и публикации, критике его окончательной исторической обработки всех датировок, «все сводится,— как пишет А. В. Арциховский,— к выписыванию летописных дат пожаров и к безнадежным усилиям связать эти даты с пожарищами»⁸¹.

Читая это крайне оригинальное заключение, невольно начинаешь думать — а не перепутал ли автор-редактор меня, Б. А. Рыбакова, с моим тезкой Б. А. Колчиным? Ведь не я, а Б. А. Колчин и сам А. В. Арциховский ввели датировку по сопоставлению археологических пожарищ с летописными записями в своей публикации 1956 г. и повторили ее в 1959 г.

2. «Полюбившиеся пожары». Что касается «полюбившихся» мне пожаров, то А. В. Арциховский не дал ни одной фактической поправки ни к списку пожарищ (взятым мною у Б. А. Колчина), ни к списку летописных записей о пожарах, составленному мною не по Б. А. Колчину, а по летописям.

Единственное его возражение касается того самого пожара 1340 г., который был «забыт» Б. А. Колчином в его хронологической шкале. А. В. Арциховский встает на защиту «прокрустова ложа» и пытается тоже доказать, что будто бы этот пожар, бушевавший во всем Неревском конце, погнил то самое место, где шесть веков спустя стали вестись раскопки. Как же это доказывается?

Доказывается это путем цитирования и истолкования только той части летописного текста, которая, по мысли А. В. Арциховского, не противоречит его толкованию.

Поэтому я вынужден вторично привести текст новгородской летописи и показать, как его обрубил и как понял этот отрывок А. В. Арциховский.

«В лето 6848... Того же лета, месяца июня в 7..., загореся на Розважи улицы в поли, за святым Федором, и погоре Неревьескии конец даже и до святого Якова, а семо и до Чюдинцеве улицы, и церкви вси и дворове, оттоле вержеся в город, и погоре двор владычен, церкви святыя София и что дворов в городе и церквии, и Людин конец и до святого Алексия, тако же и церкве и домове, а семо и до Прускои улице. Тако бяше велик и лют пожар, с бурею и с вихром, яко мнети уже концина, по воде огнь горя хожаше и много людии истопи на Волхове. И перевергся огнь чрес Волхово на ону сторону, и тамо въскре до вечернии погоре вся сторона от Федорова ручья в Славно и до поля, и церкви каменны и древяны и домове. Изо многих церквий не успела выносити ни икон, ни книг, также ни из домов; а хотя кто что вынесл или на поле, или на огороды, или в греблю, или в лодьи, или в уchanы, то все пламенем взялос; а иное что хсты кто вынесл, злии человеци разграбиша...»⁸².

Что выбрал из этого текста А. В. Арциховский?

«...Загореся на Розважи улицы в поли, за святым Федором, и погоре Неревьескии конец даже и до святого Якова...»⁸³.

⁸¹ А. В. Арциховский. О новгородской хронологии, стр. 127.

⁸² Новгородская первая летопись... М.—Л., 1950, стр. 351.

⁸³ А. В. Арциховский. О новгородской хронологии, стр. 112.

После этого он начинает уверять читателей, что «пожар, остановившийся у Якова, едва ли дошел до раскопок».

Это не пожар остановился у Якова, а наш автор решил поставить здесь точку посреди фразы.

Ведь выражение «...даже и до святого Якова, а сего и до Чудинцеве улицы и церкви вси и дворове...» имеет только один смысл, что погорело в се пространство «до святого Якова там, а здесь — до Чудинцевой улицы: все церкви и все дворы»⁸⁴. Перевести эту фразу иначе совершенно невозможно, так же как невозможно и разрубать ее по своему усмотрению.

Летописец очень точно говорит о страшном пожаре, уничтожившем почти весь Неревский конец; границы катастрофы на Софийской стороне он очень добросовестно перечислил: на западе — ц. Федора, на востоке — Волхов.

Направление север — юг летописец обозначил крайними точками — церковью Якова на севере и Чудинцевой улицей на юге.

Обороняя от пожара 1340 г. район своих раскопок, А. В. Арциховский не ограничился неправильным цитированием и неправильным переводом — он скрыл от читателей, что огонь бушевал в непосредственной близости от площади Неревского раскопа: ведь церковь Якова расположена в 100 саженях к северу от раскопа, а в 100 саженях к югу от раскопа находилась церковь «сорока мучеников», горевшая в этот пожар:

«...В церкви святых 40 мученик, иже бе устроена и украшена иконами и писменем и кованием и крутою, заперши в церкви товар весь, чии бы ни был, то все разграбиша, а икон и книг не даша носити; да яко же сами избигоша из церкви, в се пламенем в зялося и сторожа два убиши»⁸⁵.

Район раскопок находился как раз посередине между двумя ориентирными точками, указанными летописцем. Как в таких условиях, среди моря огня, когда «много людей погоре в домех: вборзе бо огнь заял», когда свирепствовала «буря с вихром» — как могли бы полностью уцелеть все 19 деревянных построек Неревского раскопа (10-й ярус), расположенные в самой сердцевине Неревского конца — известно только А. В. Арциховскому. Ни из текста летописи, ни из топографии Новгорода такого вывода сделать нельзя.

Меня удивляет другое — зачем понадобилось серьезному знатоку Новгорода и новгородских летописей А. В. Арциховскому прибегать в полемике к таким приемам, которые, во-первых, не делают чести ему, а во-вторых, легко могут быть обнаружены каждым, кто сопоставит мою статью и его ответ и после этого обратится к первоисточнику — к летописи?

А. В. Арциховскому не понравилось то, как я провел стрелки на своем плане, обозначающие пожар 1340 г. Он даже готов навести читателя на мысль о какой-то моей преднамеренности: Б. А. Рыбаков «проводил между ними (церквями Федора и Якова) не прямую линию, а сложно-изломанную, ровно вдвое длиннее. Иначе эта линия не проходила у него через место раскопок»⁸⁶.

Так вот, пусть читатели знают, что злополучная стрелка от улицы Розважи на север к ц. Якова идет от церкви сорока мучеников, упомянутой летописцем и не упомянутой А. В. Арциховским. Линии со стрелками на моем плане показывают не направление движения сгня, а конечные точки пожаров. Это достаточно ясно из плана. Торопясь во что бы то ни стало упрекнуть меня в «ошибке», А. В. Арциховский не дал себе труда заглянуть в конец этой летописной статьи о пожаре 1340 г.

⁸⁴ Летописец писал, очевидно, в Кремле, так как близкая к Кремлю Чудинцева улица для него — «сего».

⁸⁵ Новгородская первая летопись..., стр. 352. При вычислении расстояний я пользовался планом Новгорода конца XVIII в.

⁸⁶ А. В. Арциховский. О новгородской хронологии стр. 112.

Иначе он не писал бы о том, что «за Волхов он (огонь — Б. Р.) перекинулся по мосту, тем более, что там погорел тогда не Плотницкий конец, а Славенский (против Неревского конца лежит Плотницкий)»⁸⁷.

Все это написано для того, чтобы любыми средствами преуменьшить масштабы пожара 1340 г. и спасти Б. А. Колчина, в прямолинейный график которого «не укладывался» этот пожар. Но ведь говорит же летописец о пожаре в Плотницком конце, напротив Достани улицы, т. е. много севернее места раскопок:

«А в святой Пятницы сторожь сыном сгоре; по том же пожару и церковь та падеся, другая святою мученику Бориса и Глеба на Годоле; Много и людий погоре...»⁸⁸.

Подол, в котором находилась сгоревшая церковь Бориса и Глеба, составлял северную часть Плотницкого конца Новгорода; огонь мог туда переброситься только через Волхов («по воде огнь горя хожаше») и именно из Неревского конца, так как Славенский конец до Федорова ручья был запален огнем «города» — Кремля.

Опубликовав дважды (в 1956 и 1959 гг.) свою хронологию, основанную на непроверенном, субъективном подборе полюбившихся Б. А. Колчину пожаров, А. В. Арциховский вдруг вспомнил о том, что им не доказана самая допустимость сопоставлений пожарищ с летописными пожарами, и он обвинил в этом ни кого-либо иного, а опять меня: «Б. А. Рыбаков должен был бы доказать самую допустимость сопоставлений пожарищ с летописными пожарами. Но он этого вопроса даже не касается. Можно ли нагляднее выставить произвольность выводов?» — патетически воскликнул А. В. Арциховский, отвечая на упрек, который он по существу направил самому себе.

Произвольность выводов Б. А. Колчина в отношении пожаров теперь уже признана А. В. Арциховским (ранее одобрявшим их), а теперь появилась «пожаробоязнь».

3. «Фантастические даты». По поводу стеклянных браслетов А. В. Арциховский пишет: «Б. А. Рыбаков в своем графике дает для них фантастическую дату с конца X до конца XIV в.»⁸⁹. Отвечу очень просто: ни А. В. Арциховский, ни Б. А. Колчин, ни я не отделяли византийских (или корсунско-тмутараканских) браслетов от собственно русских. Это стало возможно лишь недавно, только после специальных химических анализов проф. М. А. Безбородова, продолженных затем Ю. Л. Щаповой. Речь всегда шла о стеклянных браслетах вообще⁹⁰. Что касается «фантастической» даты, то укажу, во-первых, что, вопреки А. В. Арциховскому, в Черной Могиле стеклянный браслет есть не только в насыпи (как пишет он), но и в самом женском погребении, а это 60-е годы X в.⁹¹. В. В. Кропоткин со ссылкой на Б. А. Колчина пишет: «Новгородские горожанки начали носить стеклянные браслеты еще в X в.»⁹².

Верхняя дата дана по А. В. Арциховскому, отнесшему курганы в Мякинине и в Филях к III стадии, т. е. к XIV веку⁹³.

⁸⁷ А. В. Арциховский. О новгородской хронологии, стр. 112.

⁸⁸ Новгородская первая летопись..., стр. 352.

⁸⁹ А. В. Арциховский. О новгородской хронологии, стр. 116.

⁹⁰ А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте. М., 1953, стр. 55; Б. А. Колчин. Топография..., стр. 120—123, табл. I, рис. 50; Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 397—398.

⁹¹ Б. А. Рыбаков. Ремесло..., стр. 398; его же. Древности Чернигова. МИА, № 11, 1949, стр. 44, рис. 16.

⁹² В. В. Кропоткин. О производстве стекла и стеклянных изделий в средневековых городах Северного Причерноморья и на Руси. КСИИМК, вып. 68, 1957, стр. 42.

⁹³ А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930, стр. 183, № 131; стр. 193, № 203. О том, что автор датирует свою III стадию всем XIV в., а не только его началом, см. стр. 149—150.

То, что А. В. Арциховский попал в столь неудобное положение, назвав фантастическими свои собственные датировки, еще раз показывает условность тех существующих в литературе датировок массового материала, на которых будто бы основаны точные рубежи колчинской шкалы.

4. «Грубое искажение общепринятых дат». Этот грозный тезис А. В. Арциховский иллюстрирует тремя существующими уничтожить меня примерами.

Пример первый. Автор упрекает меня в том, что лимонные бусы X в. по моему варианту хронологической шкалы оказываются в ярусах, относимых мною к началу XII в. Да, мое преступление очень велико: 5 лимонных бусин 23-го яруса и 1 бусина 22-го яруса действительно заходят по моей хронологии в первую треть XII в.

Только той поспешностью и раздражением, с которыми писалась ответная статья А. В. Арциховского, могу я объяснить его непонятный упрек по поводу этих же лимонных бус: «Б. А. Рыбаков ввел в свой график их правильную дату: до начала XI в. включительно. Однако фактически по его хронологии, как показано на прилагаемой диаграмме (рис. 6), эти украшения захватывают весь XI в. и даже начало XII в., что совершенно невозможно».

Очевидно, А. В. Арциховский плохо читал редактированный им I том «Трудов НАЭ». Там (на основе его, а не моей хронологии) Ю. Л. Щаповой сказано: «на XI в. падает 30 экземпляров, на XII в.— 5»⁹⁴.

Значит это не «совершенно невозможно»!

Приходится разъяснять редактору «Трудов НАЭ» то, что вполне ясно автору статьи, Ю. Л. Щаповой, что «находки в слоях XII в. нужно объяснить, вероятно, также случайным сохранением бус в быту»⁹⁵.

Где же здесь «грубое искажение»?

Пример второй. Арбалетные стрелы по хронологии Арциховского — Колчина встречены в ярусах середины XII в., а по моей — на рубеже XII и XIII вв. «Все это исторически невероятно» — восклицает защитник новгородской хронологии.

Однако автор специального исследования об оружии А. Ф. Медведев пишет, что «широкое распространение самострелов относится к XIII—XV вв.», делая вывод, с точки зрения А. В. Арциховского, еще более невероятный⁹⁶. Редактору этого тома «Трудов Новгородской экспедиции» не мешало бы заглянуть в него, прежде чем категорически заявлять, что это «исторически невероятно».

Пример третий. Весомым аргументом против моей схемы А. В. Арциховский считает хронологию шпор и приводит крайне обобщенные даты их типов (диапазон 200—300 лет) и пишет, что «хронология Б. А. Рыбакова уничтожила бы эти соответствия». На самом деле расхождения были бы в пределах 3-х ярусов — т. е. около 60 лет, что при расплывчатости дат самих типов в 200—300 лет существенной роли не играет и никаких соответствий не уничтожает, тем более что нужно еще доказать полную синхронность изменения типов шпор у европейских королей и у жителей Неревского конца.

Свои филиппики по поводу пяти бусин, королевских шпор и ненайденных арбалетных стрел А. В. Арциховский завершает такой угрозой: «Можно было бы занять еще десятки страниц новыми примерами». Стоит ли?

5. «Оперирование фиктивными цифрами». Стремясь опорочить мои рассуждения о строительных периодах и об эпохах подъема и упадка новгородской жизни, А. В. Арциховский применил своеобразный полемиче-

⁹⁴ Ю. Л. Щапова. Стеклянные бусы древнего Новгорода. Тр. НАЭ, т. I, МИА, № 55, стр. 174.

⁹⁵ Там же, стр. 174.

⁹⁶ А. Ф. Медведев. Оружие Новгорода Великого. Тр. НАЭ, т. II, МИА, № 65, стр. 149; А. В. Арциховский. О новгородской хронологии, стр. 120.

ский прием: «Весьма любопытным кажется оперирование цифрами в рассуждении Б. А. Рыбакова о строительных периодах... Если бы Б. А. Рыбаков привел эти цифры к одному знаменателю, ему пришлось бы отметить, что во время, отнесенное им к упадку (14—15 ярусы), было построено 35 срубов...»⁹⁷.

Только поспешностью ответа можно объяснить то, что А. В. Арциховский проглядел эти самые 35 срубов, изображенные на моей таблице (рис. 2 в СА № 4, 1959 г.) А если говорить о приведении к одному знаменателю, то и это у меня сделано: к общему знаменателю приведены все постройки всех ярусов с учетом длительности жизни каждого яруса; на этом и основана указанная таблица. Проглядев то, что ясно изображено на моей таблице и не менее ясно изложено в тексте (§ 7), А. В. Арциховский осмеливается писать о «фиктивных цифрах» (стр. 109).

Но самым интересным является то, что он тут же пытается показать читателю свои подсчеты, свои «достоверные цифры» количества новопостроенных срубов.

Сопоставим их:

«Подлинные цифры»
(подсчеты А. В. Арциховского,
стр. 109)

15 ярус	23 сруба
14 ярус	12 срубов
13 ярус	21 сруб
12 ярус	7 срубов

Подсчеты Б. А. Рыбакова
(стр. 104, рис. 10), объявленные
А. В. Арциховским «фиктивными
цифрами»

15 ярус	23 сруба
14 ярус	12 срубов
13 и 12 ярусы	28 срубов
	(21+7)

и так далее...

Значит, в полемическом пылу наш автор просто проглядел цифры в моей диаграмме и слишком торопился перейти в наступление.

* * *

Внимательное ознакомление с ответной статьей А. В. Арциховского еще раз убеждает нас в том, что методическая сторона работы Новгородской экспедиции страдала рядом существенных недостатков.

Для самой важной и интересной археологам эпохи — от Владимира Святого до Ивана Калиты — для трех столетий истории Новгорода, исследователи удовольствовались простейшей формулой, «непрятязательным делением»: 300 лет = 15 пластам = 15 ярусам, на которой они основали свою шкалу.

Не сумев ее доказать, они тем не менее много раз ее опубликовали, снабжая уверениями в небывалой точности и непогрешимости.

К распределению вещей по «ярусам» мы должны относиться с осторожностью. Конечно, ранние вещи залегают в нижних ярусах, а поздние — в верхних, но доверять безусловной принадлежности той или иной вещи к определенному и (при том точно датированному) «ярусу» мы не имеем права — нет никаких доказательств ни для членения культурного слоя по-всеместно на 28 ярусов, ни для залегания вещей в ярусах. Слабость позиции А. В. Арциховского видна и из способов его защиты. Нагромождение голословных обвинений, выраженных в безапелляционной и резкой форме, свидетельствует о крайней растерянности критикуемого автора, который все же хочет произвести на читателя впечатление не обороняющегося, а нападающего.

Чего стоят, например, попытки А. В. Арциховского заявить о своей непричастности к среднеарифметическому методу определения рубежей веков (ярусы 25-й, 20-й, 15-й, 10-й) или попытка объявить меня ответственным за неудачный колчинский «спектр пожаров»?

⁹⁷ А. В. Арциховский. О новгородской хронологии, стр. 108. Подчеркнуто мною.— Б. Р.

Чего стоит маневрирование с летописным текстом о пожаре 1340 г., где он допустил по крайней мере три ошибки, а обвинить в искажении смысла пытался опять меня?

Чего стоят, наконец, нагромождения самых резких выражений по поводу «грубого искажения дат» мною, когда на проверку получилось, что часть «фантастических» дат взята мною у самого А. В. Арциховского, а часть — у его учеников, писавших под его редакцией?

Какова цена палеографическим выводам А. В. Арциховского, если они основаны только на части материалов и если другая их часть (например, грамота № 201) не была опубликована, хотя именно в этой неопубликованной части и содержатся черты второй половины XIII в.— черты, так отрицаемые А. В. Арциховским для спорного комплекса ученических черновиков 15-го яруса?

Дискуссия заставила А. В. Арциховского признать возможность поправок к «непогрешимой» шкале, заставила Новгородскую экспедицию заняться слоями близ точно датированных церквей и дендрохронологическим анализом бревен из раскопок.

Однако каковы бы ни были результаты будущих анализов, к какому бы варианту шкалы ни были они близки, статья А. В. Арциховского никак не может рассматриваться как новое слово в науке. Новым в ней является только тон. Тон статьи А. В. Арциховского и те полемические приемы, при помощи которых он защищает «честь мундира» Новгородской экспедиции, достаточно ясны всем, и я не хотел бы вдаваться в их оценку.

Дальнейшая работа над новгородской хронологией и ее уточнением (особенно для XI—XIII вв.) — важное дело археологов-медиевистов, и все этапы этой работы должны о'уждаться широко и по-деловому.